ЧАСЫ ЭПОХИ НОВЕЧЕНТО
PANERAI И DOLCE VITA
РИТА РУСАКОВА

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__Выставка в парижском музее Орсе «Dolce vita? От либерти до итальянского дизайна. 1900-1940» заставляла задуматься об истоках успеха **Panerai**

__**Panerai** Radiomir 1940 3 Days представлены в корпусе диаметром 42 мм из красного золота или стали

Итальянский дизайн знаменит сочетанием рационального и художественного. Причем художественное всегда торжествовало. Именно работы итальянских мастеров — дизайнеров, архитекторов, художников — были более всего заметны в десятилетия, предшествовавшие Второй мировой. Не зря, к примеру, один из создателей сталинского ар-деко, архитектор Борис Иофан (прославившийся павильоном в Париже, увенчанным мухинской скульптурой Рабочего и Колхозницы, и знаковым проектом тех времен — Дворцом Советов в Москве), учился и работал в Италии.

Часы Panerai в своих исторических прототипах — один из замечательных образцов стиля. Они рождены итальянским дизайном и итальянской военной промышленностью именно в конце 1930-х—начале 1940-х. Это были часы для ныряльщиков. Огромные светящиеся цифры и стрелки, видные в темноте под водой, широкий ремень с крупной пряжкой (чтобы легче было надевать на гидрокостюм) и появившаяся позже прижимная скоба, блокирующая заводную головку, рождены не искусством, а функцией. Но их сделали настоящие художники. Недаром так легко уже в начале XXI века они прошли путь от специального инструмента к удивительно модным, щегольски красивым гламурным предметам. Panerai из исторических «военных часов» превратились в художественное произведение. Два человека, воссоздавшие марку, Анджело Бонатти и Франко Колони, вывели бренд из моря на сушу.

Новые модели Panerai, только что вышедшие в стали и в золоте Radiomir 1940, продолжают славный стиль. Новый механизм P.1000 с ручным заводом и большим запасом хода, благодаря двум соединенным барабанам, увеличивает автономность часов до трех дней. Тут можно вспомнить, что с 1940-х годов итальянские инженеры в модели, поставлявшиеся для BMC Италии, ставили механизмы Angelus, обладавшие рекордным тогда восьмидневным запасом хода. Чем реже заводились часы-амфибии, тем меньше был риск того, что вода, несмотря на завинчивающуюся заводную головку и резиновые прокладки, попадет внутрь корпуса. Есть у P.1000 и еще одна особенность. В момент «открытия» заводной головки движение механизма блокируется и показания секундной стрелки сбрасываются на ноль. Это увеличивает точность хода после выставления времени.

__Часы оснащены новым механизмом **P.1000** с ручным заводом, благодаря двум соединенным барабанам увеличивается автономность часов до трех дней

Важно и то, что при всех новшествах Panerai остались узнаваемыми. Прежде всего за счет формы корпуса coussin, присущей всей линии, начатой еще в 1936 году. Обводы новых моделей напоминают исторический прототип, хотя, конечно, тонкость отделки уводит их далеко от военных часов 1940-х годов.

Понятно, почему марка поддержала недавнюю выставку в парижском Музее Орсе, посвященную довоенной истории итальянской художественной промышленности. Выставка называлась «Dolce vita? От либерти до итальянского дизайна. 1900–1940». Первая дата очевидна — это начало века, очевидна и вторая — это год, когда Италия вступила во Вторую мировую войну.

Начало выставки — времена ар-нуво, нашего модерна. В Италии он назывался стилем либерти. Конец выставки — новеченто, «новый классицизм», равный в искусстве «новому порядку». Он стал официальным стилем нового государства благодаря любовнице Муссолини, критикессе, писательнице еврейке Маргерите Сарфатти. Во многом благодаря ей художественная жизнь Италии наполнялась Биеннале, Триеннале и Квадриеннале, а талантливых художников искали и находили итальянские промышленники.

«Мебель-радио» Франко Альбини, радиоприемник с обнаженными лампами в стеклянном мебельном корпусе (1938), портативная пишущая машинка работы Альдо и Альберто Маньели, обещающая всемирную популярность послевоенного «стиля Olivetti» (1932), или лампа Bilia Джо Понти (1931). В этих предметах утверждается чрезвычайная художественность итальянского дизайна. Вроде бы это противоречит самой идее технической эстетики, в которой автор растворяется в функции. Зато понятно теперь, откуда возьмутся послевоенные находки «Мемфиса» и «Лабиринта» и успех возрожденных Panerai, продолжающийся уже почти двадцать лет.